С.С. СТЕПАНОВА

Доктор искусствоведения, главный специалист Государственной Третьяковской галереи, профессор кафедры Всеобщей истории искусства Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова
e-mail: svetlan-stepan@yandex.ru

Е.А. ШАРОВА

Выпускник аспирантуры Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, зав. отделом реставрации и консервации Серпуховского историко-художественного музея
e-mail: scharova.elena-a@yandex.ru

S.S. STEPANOVA

Dr. of Sci. (Art History), chief researcher of the State Tretyakov Gallery, Professor of the Chair of Department of General History of Art of the Ilya Glazunov Russian Academy of painting, sculpture and architecture
e-mail: svetlan-stepan@yandex.ru

E.A. SHAROVA

Postgraduate of the Ilya Glazunov Russian Academy of painting, sculpture and architecture, the head of the department of the Serpukhov history and art museum's restoration and preservation work
e-mail: scharova.elena-a@yandex.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2023_3_1_175_183

А.А. ИВАНОВ И А.Н. МОКРИЦКИЙ. К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АВТОРА «ЯВЛЕНИЯ МЕССИИ» С РУССКИМИ ПЕНСИОНЕРАМИ В РИМЕ

A.A. IVANOV AND A.N. MOKRITSKY. TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP OF THE AUTHOR OF «THE APPARITION OF THE MESSIAH» WITH THE RUSSIAN PENSIONERS IN ROME

Статья посвящена вопросам взаимоотношения Александра Иванова с отдельными представителями римской колонии русских художников в 1840-х годах: как с пенсионерами, пользовавшихся его покровительством, так и с не входившим в круг его подопечных Аполлоном Мокрицким, упоминание о котором в рукописях творца «Явления Мессии» предвзято трактуется как обличающая характеристика. В статье приведены и рассмотрены ранее неопубликованные фрагменты писем Иванова, содержащие подлинные суждения художника о степени одаренности и личностных качествах некоторых русских пенсионеров.

The article is devoted to the relationship between Alexander Ivanov and individual representatives of the Roman colony of Russian artists in the 1840s: both with pensioners, who enjoyed his patronage, and with Apollon Mokritsky, who wasn't included in the circle of his wards, the mention of which in the manuscripts of the creator of «The Apparition of the Messiah» is biased interpreted as a revealing characteristic. The article presents and examines previously unpublished fragments of Ivanov's letters, containing the artist's true judgments about the degree of giftedness and personal qualities of some Russian pensioners.

Ключевые слова: Александр Иванов, пенсионеры Академии художеств, взаимоотношения художников, Аполлон Мокрицкий, русские художники в Риме в 1840-х годах.
Keywords: Alexander Ivanov, pensioners of the Academy of Arts, relationships between artists, Apollon Mokritsky, Russian artists in Rome in the 1840s.

Ко времени прибытия в Рим Аполлона Мокрицкого (в 1841 году) Иванов, уже несколько лет работавший над картиной «Явление Мессии», в полной мере почувствовал свое творческое превосходство над новым поколением русских пенсионеров и поэтому считал себя в праве судить об их способностях и человеческих качествах. Далеко не все рукописные тексты Иванова были опубликованы М.П. Боткиным [1], Е.Н. Гусевой [2] и И.А. Виноградовым [3], поскольку основной задачей публикаторов было выявление творческого процесса, главных векторов жизни художника и

круга его общения, так или иначе отразившихся на формировании его личности, поэтому взаимоотношения с пенсионерами освещены в имеющихся изданиях далеко не полностью, а порой не лишены и определенной предвзятости. Естественно, что масштаб личности Александра Иванова создавал дистанцию огромного размера с теми академистами, кто оказался в Риме в 1840-х годах. Тем не менее, некоторых он выделял и старался опекать. Его симпатией пользовался В.И. Штернберг, с которым Иванов жил под одной крышей в Неаполе и брался сочинить для него композицию «Шарлатан» из жизни современной Флоренции, составив подробное словесное описание сцены. Он пытался содействовать в получении заказов пейзажисту Е.Г. Солнцеву, во время поездки с которым в поисках пейзажного мотива нашел сюжет для своей «Аппиевой дороги» (1845, ГТГ). Особое покровительство оказывал вольноотпущенному И.С. Шаповалову (Шаповаленко). Имя Мокрицкого упоминается в его переписке лишь несколько раз: в связи с созданием дагерротипа [4], а также в списке русских художников восьмым по счету [5], в черновиках писем Чижову [6].

В 1842 году Иванов познакомился в Ф.В. Чижовым, который глубоко проникся творчеством не только создателя грандиозной картины, но и других русских художников, обитавших в Риме. Как искренний патриот, он подготовил статью о них с целью пробудить в соотечественниках интерес к отечественным талантам — «О работах русских художников в Риме». Благодаря Чижову, для Солнцева, Шаповалова и В.А. Серебрякова нашлись заказчики и покровители: Н.Я. Языков заказал Солнцеву пейзаж, промышленник П.В. Голубков с супругой заказали Серебрякову картину «Вирсавия, пленяющая Давида», а Шаповалову были посвящены несколько страниц статьи с пространными рассуждениями о раннеитальянской живописи, в связи с копией «Мадонны со святыми» Перуджино, выполненной Шаповаловым по совету Иванова. В своей публикации Чижов довольно хорошо отозвался о Мокрицком, отметив его продуктивность, «неусыпное трудолюбие» и профессиональный рост: «Те, которые помнят картину Г. Мокрицкого, выставленную тогда, когда он только что вышел из мастерской своего знаменитого учителя, Г. Брюллова, найдут, что он сделал большие успехи во время своего пребывания в Риме» [7]. В пейзажах Мокрицкого Чижов обнаруживал «едва ли даже не больше достоинства, чем в его фигурах», а о портретах сообщал: «Кроме картин Г. Мокрицкого, виденных мною в мастерской его, у многих из его товарищей

мне случалось видеть несколько портретов его кисти. Иные из них очень удачны, и все вообще имеют достоинство важное в портрете — сходство» [8]. Вероятно, эти слова могли вызвать у Иванова ревностные чувства, поскольку о его подопечных сказать, по сути, было нечего.

В одном из неопубликованных фрагментов писем Иванова к Чижову, сохранившимся в черновиках, есть упоминание о Мокрицком, которое интерпретируется как обличающее дурные стороны его личности [9]. Приводим текст рукописи, связанной со статьей Чижова о художниках, по возможности полностью, за исключением трудно читаемых слов, и с расстановкой некоторых знаков препинания, а также частичной поправкой авторского правописания.

«Статья ваша об Русских художниках меня много заботит, я читал письмо Ваше сейчас Серебрякову и как художники(?) мы решили что очень бы не худо было прислать бы ее к нам. Ваша цель превосходна и в (нрзб) отношении может быть Вы достигаете в ней первой степени. Но ее будут читать и художники, и умные художники, то в тех местах, где часто дело идет о нас художниках, нужно бы нам же и подумать и очень подумать, чтобы и других заставить думать, отчего избавляться. Серебряков очень охотно соглашается на все то, что вы об нем хотели написать — Воробьева картина делала неожиданно [зачеркн.] (нрзб) на выставке, я признаюсь самому себе не верил. Это правда, что он ее много еще поправил в первых планах.

Вот о Мокрицком на пр<имер>. Брюло можно порицать в том, зачем он при самом начале не остановил Мокрицкаго влезать в художники. Для чего одно прилежание, без всяких дорований ничего не значит или еще хуже заставит наконец прибегать к подлым средствам подъедать других интригами, шпионством и разными сплетнями. — Справедливо уничтожив выбор Пищалкина печатно, можете уничтожить 6ти летний труд русского гравера. Пищалкин виноват, что не послушался моего совета в самом начале, но теперь мы должны все-таки его приберечь. О как мудрено служить телом и душой нашей братии русским художникам. Только что начнешь, сейчас и думают все, что ищешь власти, сейчас все и залягаются, [Рамазанов — зачеркн.] а от чего? От того, что искать вместо в самом деле одну из ярких сторон талантливого русскаго. — Посмотрите на Рамазанова — ведь он изо всех сил тянется, чтобы быть первым и чтобы иметь на всех влияние [зачеркн.]. Заметив, что Сонцев обо мне говорит с уважением, ты брат дурак — говорит ему Рамазанов, что слушаешь Чижова да Иванова» [10].

Крайне важно отметить, что Иванов не говорил о конкретных случаях доносительства и интриганства Мокрицкого, а сообщил свое видение его дальнейшей судьбы. Само письмо, вероятно, должно было послужить для Чижова ориентиром в понимании того, что, по мнению Иванова, представляет собой каждый из русских римлян. Так, в той же черновой записи далее есть следующие строки: «Я удивляюсь, что Вас так безпокоит Солнцев — ведь он имеет деньги Левицкаго, которому он сам говорил, что картинами должен отдать. Солнцев предоброй малый, но ума ограниченнаго и до крайности тяжел на подъем. Вот уже пятый месяц все говорит, что он будет очень прилежно работать, что нужно ему во сто раз быть деятельнее всех и ничего не делает, ничего не видит и не учится» [11]. И о рассеянности Н.С. Пименова в денежных поручениях: «С Пименовым будьте осторожнее на счет доставления средств (?) Это славный наш талант крайне не чист. Отец его точно был такой же» [12]. Писал Иванов и о расточительности Рамазанова, который «должен кому только можно быть должным, он теперь берет деньги от слуги Лепре Антония, а то ведь совсем не на что жить» [13].

Иванов пытался руководить и действиями своих подопечных: «Я признаюсь всячески останавливаю Шиповалова, чтобы не посылал он своих вещей в Петерб<ург>. — Хотя он говорит, что уже кончил Альбанку со скальдиной. — Я настаивал, чтобы он как можно скорее получил деньги от Бутенева и работал бы прилежно со статуй во Французской академии до моего приезда. — Выставки нет в имп<ераторской> акад<емии> (нрзб.) случится в будущем 1845 году. — Мы в разъезде и потому хлопотать о Шаповалове в Петерб<урге> теперь очень трудно. — Скажите об этом обо всем Гоголю. Ведь нужно и его участие, чтобы вырвать что-нибудь из Петерб<урга> для Шаповалова. Благодарю Вас за Ваше мнение о Французских художниках, но желал бы, чтобы Вы отказались от предубеждений, от самого себя, и посмотрели бы внимательнее на плафон Энгра Апотеос Гомеру и тогда сказали бы мне об этом, представив произв<едения> франц<узской> школы новейшей» [14]. Судя по текстам Иванова, в ситуации с опекаемым им Шаповаловым возникло некое соперничество с Мокрицким. Прося Чижова посодействовать своему протеже в Петербурге, он пишет: «Если Вы об нем не позаботитесь, то его все вещи будут заброшены, тогда как посылаемыя тут же вещи Мокрицкого найдут заступников, хотя и гораздо меньших достоинств, как вы это сами увидите» [15]. И далее: «Мокрицкий очень старался не посылать вместе с Шаповаленкой своих

вещей. — Он посылает с работами Бруни [зачеркн.] сей последний об них попечется в Питере! Шаповал послал отдельно. Дурак» [16]. Об отправленной в Петербург работе Мокрицкого его приятель Штернберг высказался так: «Меня удивил успех Мокрицкого в живописи, он написал девушку в Чучарском костюме, бросающую с балкона цветы, во время карнавала, движение довольно грациозно, выражение лица очень приятно, и вообще все написано добросовестно даже со вкусом! Я уверен что эта картина будет иметь успех в Петербурге» [17]. Однако Иванов ценил Шаповаленко и старался ему содействовать, а Мокрицкого считал бездарным, но ловким художником, умеющим найти своих почитателей и покровителей.

По-видимому, отчаявшись урезонить Шаповаленко и раздраженный его беспечностью, Иванов требует от него ответа: «Теперь время написать об Вас всем моим знакомым в Петербурге, чтоб постарались устроить Ваше щастие. Прежде чем я это сделаю, желаю знать, можете ли Вы оставить Ломтева, Федорова и лакеев или не можете. Скоро Вы мне дайте письменное чесное слово в разсуждение этого важного предмета. — Ломтев пиет со дня своего приезда в Рим, но он сын богатого отца и след<овательно> он всегда может выбраться из совершеннаго своего уничтожения. Но Вы кого Вы имеете (? — зач.) кроме меня, котораго Вы каждой день обижаете (?), сближаясь с Ломтевым и лакеями, проматывая там Вашу нравственность, которая составляла единственное Ваше достоинство в моих глазах. Ответьте мне на это письмо в продолжении 7ми дней и занесите его к Сусанне. Если чрез 7ми дней я не увижу Вашего письма, то копия с этого моего будет послана к Гоголю (нрзб) которой ради за Вас старался. Пусть знает, в какой пакостной степени Вы ко мне находитесь. Пусть обсудит, стоите ли Вы внимания» [18].

Не оправдывал надежд и Серебряков, затягивая исполнение заказанной ему П.В. Голубковым работы. Примечательно, что среди рисунков Иванова в записных книжках есть варианты композиции «Вирсавия и царь Давид», предназначенные, вероятно, в помощь Серебрякову. Иванов сетует Чижову: «Картина его Вирсавия очень еще долго протянется, и потому я ему советовал отдать назад деньги Голубкову, упрекнув его за оскорбительное письмо, сказав, что когда будет картина его кончена, то тогда если будет угодно Голубкову ее приобрести, то он ее ему уступит» [19]. Упомянутое письмо Голубкова Иванов даже переписал для себя [20]. Сообщая Чижову о намерении Серебрякова встретиться с ним и получить от него советы, Иванов пишет: «Но остановка вот в чем — застанет ли Вас

Сереб<ряков> в Венеции. Если не застанет, то он уже едет решительно в Россию испытать свое новое щастие. Из этого Вы видите, что Серебряков не может быть без нянек. Безпрестанно нужно, чтоб кто-нибудь около его был и дух его приподдерживал. Он теперь немножко притих (?), потому что я тут. — А в мое отсутствие он все время провожал Логановскаго и ничего не подвинул у себя в студии» [21].

В письме к брату Сергею, который вскоре должен был приехать в Рим как пенсионер, Иванов делится своими мыслями: «Береги здоровье и приезжай как можно скорее в Рим [зачеркн.]. Да, мы с тобой должны сделать многое еще и потому, что все наши молодые художники здесь приняли самое жалчайшее направление — Полныя долгов, они все пируют — вдумываться, сосредотачиваться в дело совсем нет и в помине. — Однакож ты никому не говори об этом» [22]. Дело в том, что Иванов ощущал себя «полномочным представителем» русской культуры в Риме, призванным возвысить ее положение среди европейских держав, и с этой высокой миссией сопрягались его забота о достойном уровне творчества представителей русской колонии художников, повышенная требовательность к ним и досада на несоответствие их таланта и образа жизни чаемому статусу русского искусства. Насколько объективным было мнение гения живописи, показала дальнейшая судьба тех, о ком он оставил высказывания в своих заметках. Так, и опекаемый Ивановым Шаповалов, и Мокрицкий явили собой общий круг творцов «итальянского жанра», причем работы последнего исполнены с бóльшим мастерством. Впоследствии Шаповалов (как и Солнцев) стал мозаичистом, а Мокрицкий до конца оставался верен станковой живописи, творческий опыт художника оказался полезным во время его преподавания в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. О порядочности художника может свидетельствовать и следующий факт, озвученный в официальном донесении Начальника русских художников в Риме Л. Киля в августе 1846 года президенту ИАХ: «При своей смерти Штернберг завещал словесно товарищу своему Мокрицкому, с которым состоял в самых тесных связях дружбы, все оставшееся после него имущество, на каковое распоряжение находится в Императорской миссии объявление, подписанное находившимся в том свидетелями при смертном одре Штернберга некоторые его товарищи» [23]. Возможно, на отношение Иванова к Мокрицкому повлияла близость последнего к Брюллову, который являлся соперником автора «Явления Мессии» по искусству. Мокрицкий вряд ли подозревал о столь невысоком о себе мнении Иванова и сохранил к нему искреннее

уважение. Известно, что Мокрицкий был в дружбе со Штернбергом, которому покровительствовал Иванов, поэтому эпизодически пути всех троих могли пересекаться. Однако определить степень более близкого общения Мокрицкого с создателем «Явления Христа народу (Явление Мессии)» и детально рассмотреть проблему их взаимоотношения не представляется возможным.

Примечания:

1. Александр Андреевич Иванов: Его жизнь и переписка 1806–1858 гг. / Издал Михаил Боткин. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. — 477 с.

2. *Гусева Е.* Александр Иванов: Письма брату // Советское искусствознание-74. — М., 1995. — С. 335–336.

3. Александр Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / составитель И.А. Виноградов. — М.: XXI в. — Согласие, 2001. — 774 с.

4. Там же. — С. 400.

5. НИОР РГБ. Ф. 111. Карт. 2. Ед. хр. 1. Л. 107.

6. Там же. Л. 112 об. Л. 115. Л. 117.

7. *Чижов Ф.В.* О работах русских художников в Риме: Письмо Ф. Чижова // Московский литературный и ученый сборник. — М.: Тип. Ав. Семена, 1846. — С. 92–93.

8. Там же. — С. 93.

9. *Яйленко Е.В.* Миф Италии в русском искусстве первой половины XIX века. — М.: Новое лит. обозрение, 2012. — 335 с.

10. НИОР РГБ Ф. 111. Карт. 2. Ед. хр. 1. Л. 112 об.–113.

11. Там же. Л. 113.

12. Там же. Л. 113.

13. Там же. Л. 111 об.

14. Там же. Л. 73–73 об.

15. Там же. Л. 114 об.–115.

16. Там же. Л. 117.

17. В.И. Штернберг — И.К. Айвазовскому. 13 мая 1845, Рим // ОР РНБ. Ф. 9 (Айвазовский). Ед. хр. 11. Л. 3 об.

18. НИОР РГБ. Ф. 111. Карт. 2. Ед. хр. 1. Л. 117 об. — 118.

19. Там же. Л. 131.

20. Там же. Л. 130.

21. Там же. Л. 84.

22. Там же. Л. 91 об.

23. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ед. хр. 183 (Айвазовского и Штернберга).

Список литературы:

1. Александр Андреевич Иванов: Его жизнь и переписка 1806–1858 гг. / Издал Михаил Боткин. — Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. — 477 с.

2. Гусева Е. Александр Иванов: Письма брату // Советское искусствознание-74. — Москва, 1995. — С. 335–336.

3. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / составитель И.А. Виноградов. — Москва: XXI в. — Согласие, 2001. — 774 с.

4. *Чижов Ф.В.* О работах русских художников в Риме: Письмо Ф. Чижова // Московский литературный и ученый сборник. — Москва: Тип. Ав. Семена, 1846. — С. 49–136.

5. Яйленко Е.В. Миф Италии в русском искусстве первой половины XIX века. — Москва: Новое лит. обозрение, 2012. — 335 с.

Список архивных источников:

1. В.И. Штернберг — И.К. Айвазовскому. 13 мая 1845, Рим // ОР РНБ. Ф. 9 (Айвазовский). Ед. хр. 11. Л. 3 об.

2. НИОР РГБ Ф. 111. Карт. 2. Ед. хр. 1.

3. РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ед. хр. 183 (Айвазовского и Штернберга).